

ОСТРОВ ВО ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ, ИЛИ ОСКОЛКИ ВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.А. Осьмук, О.А. Серебрянникова
Новосибирский государственный
технический университет
osmuk@mail.ru, sw@fgo.nstu.ru

В статье рассматривается проблема временной идентичности в современном обществе в его постмодернистской интерпретации. Объясняется, что трансформированная временная идентичность определяет особенности восприятия субъектом общества и себя в обществе. Анализируется связь между временной идентичностью и идентичностью поколений.

Ключевые слова: временная идентичность, социальное время, социокультурное пространство, поколения.

Образ человека, путешествующего во времени, – популярная философская и художественная идеализация современной эпохи. Отчасти это связано с расширением представлений об окружающем мире и о себе, отчасти с необходимостью выхода из постмодернистских руин вечно го хаоса, в котором нет места временной идентичности. Постмодернистская реальность – пространство без времени, поскольку история останавливается и общество не обнаруживает признаков развития, оказываясь в плену руин. Она же (временная идентичность) привносит осмысление того, что с точки зрения постмодернистской парадигмы не поддается осмыслению: привязанность к традициям, авторитетам, а следовательно, ощущение себя как части развивающейся реальности, имеющей прошлое и будущее. Разумеется, человек не может не ощущать время вообще, временная идентичность – это элемент и условие развития личности. Но современный человек фактически попал в ловушку, физическое время бежит столь быстро, что он успевает идентифицировать себя

только с определенным отрезком, понимание же временного континуума усложняется и осложняется. Между тем потребность во временной идентичности остается, отсюда – противоречие, которое определяет ее особенность. Как результат – в обществе муссируются исторические сюжеты, и вновь становится актуальной проблема поколений. Как утверждает П. Вен, «История не затрагивает души человека и не переворачивает его представлений о себе самом. Почему же он тогда интересуется своим прошлым? ...этот интерес имеет две причины. Во-первых, наша принадлежность к национальной, социальной, семейной и т. п. группе может сделать прошлое этой группы особо интересным для нас; вторая причина – любопытство...»¹.

Интерпретация исторических событий колеблется от абсолютно недостоверных сюжетов, рассчитанных на скандальную, шоковую реакцию, до действительно правдивых, добросовестных исследований.

¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. (Приложение) – Фуко совершает переворот в истории / Поль Вен. – М.: Научный мир, 2003. – С. 96.

Но дело даже не в субъективности интерпретации, а в том, что посредством такой причудливой мозаики создается современная мифология, которая и призвана быть основой временной идентичности. Однако этим временная идентичность не ограничивается, можно предположить, что у нее существует как бы два дискурса: 1) широкий – определение своего места во временном континууме (прошлое–настоящее–будущее), который, как правило, интерпретируется через положение и роль «своей» социальной группы/ «своих» групп в континууме; 2) узкий – определение своего «Я» в пространстве-времени, где время для человека все же обладает физическим измерением. И в первом, и во втором случае время воспринимается человеком субъективно, но в то же время социальный субъект принимает представления «своей» социальной группы о времени. Именно эти условия дают повод говорить о субъективном восприятии времени физического как о социальном времени. Последнее наряду с социальным пространством становится с одной стороны, субъективным, а с другой – интерсубъективным конструктом.

Таким образом, временная идентичность человека представляется достаточно непростым феноменом. И поскольку пространство и время взаимозависимы, то и усложнение структуры социокультурного пространства: увеличение объема информации, рост информационных каналов, появление новых социальных структур – вызывают изменения временной идентичности, делая ее неоднозначной и парадоксальной. Проблема временной идентичности в социальной психологии рассматривается скорее как проблема временных аспектов идентичности (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская и др.) и противопоставляется пробле-

ме психологического времени личности². Более того, часто временная идентичность понимается как образ Я-будущего, поскольку время необратимо. Именно поэтому для понимания обозначенного феномена так важно понятие «возможное Я», введенное Х. Маркусом для решения проблемы изменчивости «Я». Однако в случае такого понимания временной идентичности можно вообще поставить крест на самом понятии и вместе с тем выдвинутым вопросе, поскольку время здесь выступает только лишь фактором, осознаваемым или не осознаваемым человеком. Поэтому в данном случае мы будем все же рассматривать временную идентичность достаточно широко: как отнесение себя как личности к определенному (в данном случае – прежде всего историческому) времени. Если можно так сказать, речь идет об «интериоризированном» времени, воспринимаемом через события. Здесь «Я» – часть событий, часть социальной группы, участвующей в событиях. Поэтому временная идентичность не есть просто «временной кругозор» (П. Фресс) или «концепция времени личности в масштабах ее жизни» (А.А. Кроник), но она включена в концепцию «Я». Но в этом случае, познавая мир и себя, человек понимает, что он является (как это ни банально звучит) продуктом своего времени. Само восприятие может быть здесь деформировано вследствие особенностей личности (и в том числе психических патологий), или внешних обстоятельств и событий, эмоционально воспринимаемых личностью, или намеренного влияния со стороны других, искажающих личностное восприятие. И тогда внешний (социальный) мир «обеспечива-

² Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 40–46.

ет» изменчивость «Я» как эмоциональную привязку к социальному времени. Деформация внешнего (социального) мира, имеющего не только пространственную, но и временную характеристику, влияет на то, какой образ себя создает человек, и на то, как он воспринимает мир (проблема замкнутого круга, взаимозависимости в ситуации интроспекции).

Как правило, нарисованный в литературе образ современного человека, выясняющего отношения со временем, опирается на два, казалось бы, противоположных основания: с одной стороны, технократическое, с другой – постмодернистское сознание. Можно предположить, что на стыке этих, по сути, социально-психологических оснований и формируется временная идентичность современного человека, содержание которой соответствует социокультурному пространству. Стремительное развитие техносферы приводит к рационализации когнитивных схем социального поведения, а трансформация социокультурного пространства – к формированию постмодернистского диффузного сознания. Эффект от такого сочетания оказывается крайне любопытным: чувство времени и ощущение себя во времени становится острее и болезненнее на ограниченном временном отрезке, но притупляется, как только этот отрезок удлиняется. Так, для человека, живущего в XIX веке, столь явный разрыв указанных «временных координат» был невозможен: геральдические корни были известны практически каждому человеку (за редким исключением), социальные мифы воспринимались, как и положено, как правда, к традициям относились бережно...

Наверное, современный человек мог бы описать рефлексивно по поводу себя во времени как «остров во временном конти-

нууме»; остров, стоя на котором он собирает осколки временной идентичности, складывает их в единое целое и понимает, что целостность времени ускользает. Получается: с одной стороны, жизнь, расписанная по секундам, и «время», превращающееся в «деньги», с другой – люди, у которых нет корней, для которых прошлое – любопытная картинка, а будущее все чаще – под вопросом (эсхатологические тенденции – тому подтверждение). Такое социальное время и производная от него временная идентичность достойны того, чтобы остановиться на них подробнее.

Для начала следует определить, что осознание и понимание себя во времени как тела, как персоны, как личности, как части социальной группы и человечества в целом есть не что иное, как временная идентичность. Для человека вопрос временной идентичности – вопрос сохранения его «Я». Временная идентичность структурна точно так же, как и социокультурное пространство. Можно было бы обозначить «временные круги» идентичности: бесконечность, эпоха, век, поколение. Элементарный уровень временной идентичности связан с ощущением, восприятием и пониманием изменений происходящих со временем с телом (*memento mori* – эту истину усвоили еще древние). Следующий уровень можно связать с личностью, точнее – с пониманием развития личности, с тем фактом, что каждую следующую минуту мы – другие, с выделением этапов своего же развития. Социальный уровень временной идентичности предполагает существование у человека некоторых представлений о развитии социума (человечества, социальной группы/групп, общности) и представлений о структуре временного континуума (прошлое–настоящее–будущее). Со-

циальному времени свойственно овеществляться через символы, несущие смыслы, принимаемые обществом. Примером может служить ажиотаж возле такого события, как «миллениум». Наверное, большинство людей, населяющих планету, восприняли это событие как особый момент связи со всем человечеством, своеобразный символ идентичности поколений, прошедших рубеж между двумя тысячелетиями. Это означает, что временной континуум и в самом деле символичен, а смыслотворчество, носителем которого выступает символ, здесь выступает в качестве механизма временной идентичности. Символы требуются человеку для того, чтобы обнаружить себя на определенном временном промежутке и придать смысл своему существованию.

Однако, как выяснилось, существует большая проблема с «временным промежутком», ибо социальное время и ритм социальной жизни постоянно ускоряются, затрудняя смыслотворчество. Точка на временном континууме, обозначенная как «здесь и сейчас», ускользает, что, конечно же, не может не повлиять на временную идентичность. В результате человек вынужден «собирать осколки» временного континуума, что вполне соответствует мозаичному характеру современной культуры. Чтобы уточнить, что из себя представляют «осколки», вспомним, насколько часто в последнее время культура обращается к «ретро». Появились целые телевизионные передачи, в которых микс различных поколенческих культур складывается в полную гармоничную картину. Еще Г. Зиммель сокрушался по поводу того, что современная культура не имеет своего стиля. Она плюралистична, но, модернизируя прошлые идеи, она хоть как-то решает вопрос с временной идентичностью. Но не стоит полагать,

что такое обращение к прошлому означает устойчивость континуума, отнюдь нет, поскольку человек на самом деле создает из осколков некий разношерстный мир, к которому он готов себя отнести. Это, скорее, попытка решить проблему и, пользуясь языком постмодернистов, симулякр. Точка, воспринимаемая как «здесь и сейчас», в современном обществе столь минимальна по длительности, что не оставляет возможности воспользоваться прошлым социальным опытом для конструирования нового социокультурного пространства. Отсюда велика опасность потеряться во времени, или утратить ощущение временного континуума.

Частью временной идентичности выступает идентичность поколений. При неустойчивости временного континуума поколенческая идентичность выступает островом, на котором потерявшийся индивид может обрести почву, т. е. ощутить устойчивость через свою принадлежность поколению как некой возрастной группе, объединенной субкультурой, сложившейся в историческом процессе.

Тема поколенческой идентичности в последнее время вновь становится популярной, и на то, видимо, есть причины. Идентичность поколений – это фактически тот антропологический механизм, который отвечает за восприятие времени физического и его «превращение» во время социальное. Через фильтр вкусов поколения человек смотрит на все прошлые и будущие исторические события. Оценка прошлого и будущего, а также выстраивание всей логики временного континуума, проистекает из реакции активной возрастной группы (прежде всего, молодежи) на исторические события и приобретения группового опыта. Как упоминалось выше, история – событийна, а событие – это опыт социальной группы,

и если личностная идентичность возможна через индивидуальный опыт, то социальная поколенческая идентичность – через социальный опыт этой группы (уточним: возрастной группы, переживающей одну и ту же ситуацию/ситуации). В самом деле, личностная идентификация возможна только через собственный опыт, но человек, как известно, существо социальное, поэтому его опыт интерсубъективен, другими словами, социальный опыт, рождающий временную идентичность, принадлежит не отдельному субъекту, но тем, кто взаимодействовал с ним в ситуациях. Однако даже один и тот же результат завершения ситуации, один и тот же опыт воспринимаются участниками с некоторой разницей. Разность при этом будет минимальной, если ценности и стереотипы совпадают. Тогда создание образа события закрепляет смыслы, изначально в него вкладываемые участниками. Чем четче и конвенциональнее образы, тем устойчивее поколенческая, а стало быть, временная, идентичность. Р. Арон отмечает: «Историческим человеком не является ни тот, кто продолжает жить и аккумулирует опыт, ни тот, кто помнит; история включает осознание, через которое прошлое признается таким в тот момент, когда сознание как бы возвращает его присутствие. Вот почему мы искали истоки исторического познания не в памяти, не в пережитом времени, а в рефлексии, которая каждого делает наблюдателем самого себя, в наблюдении, которое опыт другого берет за объект»³. Представляется естественным, что социальные субъекты, принадлежащие одной возрастной социально-демографической группе и имеющие близкие интересы (например,

получить профессиональное образование и поступить в вуз, сформировать семью, сделать карьеру и др.), если не одинаково, то очень похоже реагируют на происходящие события.

Заметим, что каждое поколение конструирует собственный интерсубъективный мир, который состоит из соответствующих, будем называть их конвенциональными, значений, символов, ценностей и норм. С нашей точки зрения, принципиально говорить о конвенциональности элементов интерсубъективного мира поколения, поскольку общие смыслы рождаются только через социальную практику договора (конвенции), возникающего на фоне некоторых событий (применяя социолого-лингвистический подход к феномену, мы можем говорить об этом как о дискурсивных практиках поколений). Интерсубъективное конструирование социального мира поколений предполагает обмен смыслами, что для представителей поколения достаточно легко, поскольку они оказываются в одном историческом дискурсе, переживаемом достаточно типично. И на фоне этого формируется некий негласный союз (договор) даже между теми, кто никогда не контактировал физически. Как известно, люди одного поколения понимают друг друга, более того, они договариваются о таких вещах, которые никак нельзя отнести к реальным и объективным. Так создаются современные мифы, а участники получают удовольствие от мифотворчества и от причастности к мифологизированным событиям.

Для того чтобы иметь возможность взаимодействовать с другими (Дж. Сёрль), необходимы конструктивные правила. Другими словами, если некоторое сообщество, группа коллективно принимают значения понятий, то возникает нечто вроде кон-

³ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 283.

венциональной власти, определяющей направления действий. Конвенциональные значения, проявляемые через язык и функциональные в коммуникациях, безусловно, имеют большое значение для взаимодействия социальных миров; их существование есть условие конструирования реального мира. Однако взаимодействие социальных миров, приводящее к интересубъективному конструированию, становится возможным в результате не только конструктивных и конвенциональных правил, но и конвенциональных действий, отношений, установок и др. Для формирования интересубъективного мира поколения важно коллективное переживание и определенная интенция к принятию всего поколенческого, т. е. определение интересубъективного мира субъектами поколения как «своего». Но и этого не достаточно, формируется нечто вроде единой интересубъективной и конвенциональной стратегии поколения.

Конструируя интересубъективный мир, каждое поколение создает и социокультурное пространство, т. е. пространство связей и структур, закрепленных и репрезентируемых во вкусах, традициях, обрядах, ритуалах, символах. Социокультурное пространство мы понимаем как целостную репрезентацию интересубъективного мира, таким образом, субъективный мир проявляется и становится узнаваемым другими. И прежде всего другими поколениями. Интересубъективный мир и социокультурное пространство – две парадигмально разные модели, однако в таком понимании они отражают идею разделения «мира для себя («своего» поколения)» и «мира для других (других поколений)». Степень целостности интересубъективного мира поколения зависит от его «функциональности», т. е. от того, насколько социальные субъекты во-

влечены в мейнстрим социальной жизни, от насыщенности этого мейнстрима событиями. По мере выхода из мейнстрима социальной жизни (временного удаления от определяющих событий, старения поколения) интересубъективный мир приобретает диффузный, расплывчатый характер, остаются воспоминания, которые тем не менее в некотором роде поддерживают сложившийся мир. Существование сложившегося мира поддерживают элементы социокультурного пространства, т. е. вполне конкретные и продолжающие свое существование традиции, символы, ритуалы и др. Другими словами, мир поколений вполне объективен.

Интерсубъективный мир поколений имеет событийный характер, т. е. смыслы складываются вокруг событий, которые не просто приобретают особое значение в жизни каждого человека, смыслы постоянно прирастают, буквально «привязывая» человека к событиям. Наверное, этот процесс сродни аддикции, но он необходим для формирования устойчивой поколенческой идентичности. Обозначенные смыслы проявляются в текстах, являющихся основой социокультурного пространства.

Память человека, как правило, фиксирует детали данного социокультурного пространства: отдельные слова и фразы, отдельные куски интерьера, обрывки музыки, цвета, освещения и др. Такие детали (осколки образов) становятся точечными элементами, вокруг которых каждый раз восстанавливается мир «здесь и сейчас». Несмотря на свою кажущуюся простоту, обозначенные элементы запускают механизм смыслообразования, поскольку они больше, чем слова, фразы и отдельные, выделенные памятью, артефакты. Возможность сравнивать приводит к возможности кон-

струировать мир на основе того, что является частью Я-идентичности.

Но речь идет не только об отдельном человеке. Для каждого поколения, оценивающего состояние современного ему общества (эпоху), все его черты и проявления кажутся особыми и значимыми. Ощущение, восприятие и представление с позиции опыта поколения о том, что важно, а что – не очень, что современно, а что – нет, формируют временную идентичность, имеющую, как видим, социальный характер.

Если признать, что человек идентичен своему субъективному социальному миру, то временная идентичность необходима человеку, чтобы конструируемый им образ реального мира был целостным, ибо вне временной идентичности он не может существовать в принципе. Реальный мир развивается во времени, а потому образ реального мира, чтобы быть адекватным, должен по определению включать временной континуум «прошлое–настоящее–будущее». При этом любое заикливание на одной из частей временного континуума: на прошлом ли, настоящем или будущем – приводит к деформации субъективной картины мира и к неадекватному поведению в реальном мире. Так, например, человек, который продолжает жить прошлым, может быть апатичен, не мотивирован на активную деятельность и даже агрессивен по отношению к окружающим, которые раздражают его своим поведением, так не соответствующим старым, привычным, стереотипам. В то же время человек, живущий исключительно настоящим и забывающий прошлое, может быть активным лишь какое-то незначительное время, поскольку как только цель оказывается достигнутой, в отсут-

ствии внимательного и даже, можно было бы сказать, трепетного отношения к своему прошлому, человек «ломается», чувствует «пустоту». Достижение цели не приносит удовлетворения.

Временная и поколенческая идентичность современного человека, как уже говорили выше, сложна и проблематична. Причиной трансформации временной идентичности можно считать:

– ускорение развития общества, что приводит к затруднению рефлексии и формированию смыслов (на это просто не хватает времени);

– рационализацию социального поведения, ориентирующую человека на будущее, сведение социального опыта к удачной «делке»;

– виртуализацию социокультурного пространства, сводящую временную идентичность к акту пользования информационными технологиями.

Наблюдаемое редуцирование социальных практик вряд ли можно рассматривать как всего лишь упрощение. Скорее – это неизбежность, у человека нет другого пути, чтобы удовлетворить свое желание остановиться и, наконец, «увидеть» мир, даже если он приобрел размеры «острова».

Литература

Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 451 с.

Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 40–46.

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. (Приложение) – Фуко совершает переворот в истории / Поль Вен. – М.: Научный мир, 2003. – 394 с.